*Калицкий В.В., аспирант Государственного университета управления
(Государственный специализированный институт искусств)*

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПАНСЛАВИЗМА Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Центральной идеей книги Н. Данилевского «Россия и Европа» является идея культурно-исторических типов, соответствующих типам цивилизаций, под которое можно подвести всё многообразие различных культур. Н.Я. Данилевский выделяет исходные типологические черты культуры:

- близкий по фонетической природе язык;
- политическая независимость;
- взаимосвязь цивилизаций (выработка индивидуальных культурных черт, не передаваемых другим культурам; возможно только частичное заимствование отдельных черт);
- цивилизация достигает вершины своего развития только при условии разнообразия её этнографических элементов;
- ход развития культурно-исторических типов «ближе всего уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределённо продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и раз и навсегда истощает их жизненную силу» (1).

Рассматривая цивилизации с точки зрения религии, культуры и социально-экономического устройства, Н.Я. Данилевский приходит к выводу: историческая перспектива существует только у славянского культурно-исторического типа, важной чертой которого является социально-психологическая особенность, где доминирующую роль играет религиозность, обуславливающая, в свою очередь, духовность, стремление к высшему миру, а не к внешнему благополучию.

Преемственность культур осуществляется различными путями, первый из которых заключается в «пересадке посредством колонизации (например, восприятие Италией черт греческой цивилизации)» (2).

Сутью второго пути является «прививка» (« «дичок» обращается в средство... для... черенка», благодаря чему возникает новая культура; таким «дичком», привитым на черенке египетской цивилизации, была Александрия, сохранившая признаки греческой и римской культур» (3)).

Третий путь культурного развития Н.Я. Данилевский видит в «полицивилизации» (Данилевский, разрядка моя – В.К.), при которой, к примеру, Египет и Финикия действовали на Грецию, Греция – на Рим, и обе они – на германо-романскую Европу.

Н.Я. Данилевский обосновал идею цикличности развития культуры, которая проходит те же стадии развития, что и биологические организмы. Культура зарождается, доходит до вершины своего развития, затем регрессирует и умирает.

Среди множества различных проектов по будущему объединению славянских народов особое место занимает концепция Н.Я. Данилевского, главное достижение которой заключается в выдвинутой им гипотезе: человеческие сообщества объединяются в крупные культурно-исторические типы (цивилизации), которые, подобно живым организмам, находятся в постоянной и непрерывной борьбе друг с другом и с окружающей средой.

Данный тезис, сформулированный и активно использованный Н.Я. Данилевским в работе «Россия и Европа», впоследствии был заимствован и переосмыслен отечественными и зарубежными учёными, в частности, О. Шпенглером, А. Тойнби, П.А. Сорокиным и рядом других.

Идеи, представленные в концепции Н.Я. Данилевского – особого пути российской культуры, теория панславизма, необходимость объединения славянских племён, способность

к взаимопроникновению различных культур были восприняты многими русскими композиторами (М.И. Глинка, М.А. Балакирев, А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков).

В творчестве Н.А. Римского-Корсакова славянская тематика представлена очень широко. Композитор испытывал неподдельный интерес к славянским образам – это «Сербская увертюра», опера-балет «Млада», опер «Пан воевода» и «Свитязянка», а также широко представленная малороссийская тема (оперы «Майская ночь» и «Ночь перед Рождеством»).

К 1890 году вокруг Римского-Корсакова сформировался круг молодых единомышленников (либреттисты, оперные постановщики, театральные художники), которые объединились на почве панславизма.

Идеи панславизма в трудах Н.Я. Данилевского были изложены как стройная концепция с применением системного подхода и естественнонаучных методов исследования.

Данные принципы Н.Я. Данилевский излагает в историософской концепции славянского мифа, в которой прослеживаются особые, «мессианские» характеристики славян-русских и идеализированный мифопоэтический образ России.

Подобные акценты расставлены в опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии», где образы китежан и Февронии напоминают скорее иконические лики, а не реальных исторических персонажей, а в сюжетной канве прочерчен миф о Святой Руси. Также как и труд Н.Я. Данилевского, опера «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии» Н.А. Римского-Корсакова воплотила ожидание не только самого композитора и его окружения, но и эпохи в целом.

Работа композитора над оперой проходила во время русско-японской войны. В периодических изданиях и художественных кругах эта война нередко трактовалась как метафизический бой с панмонголизмом, предсказанный В.С. Соловьёвым. В рассуждениях философа об угрозе с Востока прорисовывалась особая миссия России, которая должна спасти христианскую веру от «жёлтой опасности» (6).

В контексте военных событий образ России воспринимался как последний оплот истинной веры и культуры. Легенда о Китеже превращалась в символ, олицетворяющий «национальный образ мира». Сам Римский-Корсаков подчёркивал, что хочет написать новую оперу «очень по-русски». Особая многослойная, полифоническая драматургия оперы, множественность смысловых подтекстов, символика различных стилистических атрибутов, – всё это указывает на особую модель оперы, созвучную размышлениям Н.Я. Данилевского.

Подобная концепция оперного жанра была вполне осознана авторами (Н.А. Римским-Корсаковым и В.И. Бельским, автором либретто). В.И. Бельский в «Замечаниях к тексту», указывает, что в своей работе он стремился «... по отдельным обрывкам и намёкам угадать целое, сокрытое в глубине народного духа, – но одним случайно сохранившимся частностями мирозерцания действующих лиц. Подробностями внешней обстановки и проч. восстановить другие подробности в целом неизвестной картины» (6).

Такой способ работы над либретто и общей концепцией произведения похож на естественнонаучный метод, использованный Н.Я. Данилевским: характеристики культурно-исторических типов учёный выводит на основе изучения языка, мифических верований, эпических преданий и основных форм быта, затем он прослеживает, как данные особенности проявляются в различных областях жизнеустройства: в государственном устройстве, внешней и внутренней политике, искусстве, праве. Таким образом, связь с древними традициями (историческими, религиозными, национальными, культурными, историософскими) и для Н.А. Римского-Корсакова и для Н.Я. Данилевского становились залогом постижения национального духа России. Н.Я. Данилевский, продолжая традиции славянофилов, предсказывает великое будущее славянской цивилизации, которая, в отличие от других культурно-исторических типов, вступает в эпоху подлинного расцвета. Славянский союз может достичь в будущем «четырёхосновного существования», то есть равномерно развивать четыре основы любой цивилизации: религиозную, культурную, политическую и социально-экономи-

ческую. Музыкальная концепция «Сказания о невидимом граде Китеже и девы Февронии», в которой все эти компоненты представлены и подробно описаны, воссоздают такой миропорядок: защищающая праведников от врага истинная христианская вера, развитая культура, мудрое управление святыми князьями, общинный миропорядок.

В структуре оперы отчётливо прослеживается замкнутость различных миров – татар и китежан. Эти два мира сосуществуют параллельно. Так, татары не могут войти в Большой Китеж: как особое символическое пространство он доступен лишь избранным – носителям высшей религии и этики.

Н.Я. Данилевский, рассуждая о будущем славянского культурно-исторического типа, пишет: «Главный поток мировой истории начинается двумя источниками на берегах древнего Нила. Один, небесный, божественный, через Иерусалим и Царь-град достигает в невозмутимой чистоте до Киева и Москвы; другой, земной, человеческий, в свою очередь делящийся на два главных русла культуры и политики – течёт мимо Афин, Александрии, Рима, – в страны Европы... На Русской земле пробивается новый ключ справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства. На обширных равнинах Славянства должны слиться все эти потоки в один обширный водоём...» (7). По мнению Данилевского, борьба славянского и романо-германского культурно-исторических типов должна прекратиться, когда наступит эпоха славян, которая воплотит собой установление «града Божьего» на земле.

Данные рассуждения прочитываются в концепции оперы «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии». Эсхатологические идеи находят в произведении множественные и многомерные истолкования. Сам сюжет разворачивается вокруг идеи конца света после нашествия татар и совершившемся чуде, которое оказалось возможным благодаря русским святым. Н.Я. Данилевский писал о «чуждом насильственности, исполненном мягкости, покорности, почтительности» славянского типа, который в результате стал воплощением христианских идеалов. Религиозная символика «Сказания о невидимом граде Китеже и деве Февронии», цитаты из различных духовных источников указывают на то, что он представлялся Н.А. Римскому-Корсакову как особое «райское» место, аналог небесного Иерусалима.

В музыкальном тексте это подтверждает и выбранная композитором особая символика соборности. Моделирование данной сферы происходит с помощью особых выразительных средств: развитая сфера колокольности, интонации знаменного распева, замедленный хроно-топ, мелодика, воплощающая черты духовного стиха.

Противоположная сфера татар не отличается индивидуальным интонационным языком и строится на производных попевках. В. И. Бельский объясняет использование данного приёма в предисловии: «Нашествие татар на Заволжье и другие «внешние» события описываются в «Сказании» эпическими приёмами, – следовательно, не реально, а так как они представлялись в своё время поражённому народному воображению. Поэтому, например, татары являются без особой этнографической окраски, лишь с теми их обликами, с какими они рисуются в песнях времён татарщины» (8). В концепции Н.Я. Данилевского европейская цивилизация несёт в себе разрушение и неспособна к новому возрождению, как невозможно, согласно В.И. Бельскому и Римскому-Корсакову, приобщение татар к Большому Китежу.

В образе татар прослеживаются черты общеевропейского типа, которые Н. Я. Данилевский противопоставлял «идеализированным» славянам. Согласно учёному, для европейской цивилизации характерны разобщённость, эгоизм, борьба за власть и жажда денег. В сцене дележа добычи татарами (вторая картина третьего действия оперы) именно данные качества характеризуют завоевателей: в борьбе за трофеи татарские князья не останавливаются даже перед убийством собственных соплеменников.

Н.Я. Данилевский противопоставляет западноевропейский и славянский типы культурно-исторического развития и на уровне психологических характеристик. Он пишет о склонности к насилию у европейцев и о «прирождённой гуманности» славян. В опере дева Февро-

ния – собирательный образ, характеризующий славянскую цивилизацию. По Н.Я. Данилевскому, Россия, «обладая внутренним нравственным сознанием, должна вылечить все цивилизационные европейские болезни» (9).

В противоположность европейскому индивидуализму славяне имеют явную склонность к коллективизму и альтруизму. Сам Н.А. Римский-Корсаков в программе оперы прописывает соответствующие характеристики: «Надо только самому делать добро и любить всё живущее, и тогда жизнь человека делается прекрасной, земля превратится в рай, на деревьях зацветут золотые и серебряные цветы и кругом запоют райские птицы» (10) – именно такова «философия» Февронии и обитателей Китежа.

Ещё одно качество объединяет китежских славян с образами святых – данное качество Н.Я. Данилевский называет «благодатью». Благодать наполняет преображённый Китеж, о «дивном состоянии» поёт Феврония в сцене преображения, при встрече с призраком княжича Всеволода.

Образ правителя в опере, воплощаемый Князем-мудрецом и Княжичем-воином, воспринимается как залог праведного существования народа в истинной вере. Основная константа властной идеи заключается в духовной связи правителя и народа. Данную мысль, например, подтверждают слова китежан из второго действия оперы: «Без него (то есть Князя – В.К.) нам, сирым, не жить».

Отношения Княжича Всеволода с простой девушкой Февронией закрепляются в свадебном обряде. Подобный смысловой ход символизирует общинный уклад, в котором сословные разделения происходят по воле участников, а не насильственно (как в западноевропейской цивилизации, на что неоднократно указывает Н.Я. Данилевский). Князь, Княжич и народ объединены в одном миропорядке. На этот принцип, свойственный славянам, указывает и Н.Я. Данилевский, согласно которому положение «нация – семья» должно стать основной формой славянской государственности.

В концепции «Сказания о невидимом граде Китеже и деде Февронии» прочерчивается множество параллелей с основными положениями труда Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Наполнив их художественной образностью, опера воплотила целостный пласт мировоззрения российского общества рубежа XIX–XX веков. Диалог прошлого и современности, истории и мифа, древней литературы и индивидуального музыкального стиля и языка – всё это воссоздаёт универсальный космос оперы, в которой «звучат» различные пласты русской культуры и русского самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991, с. 211.
2. Указ. соч., с. 187.
3. Пивоваров С.С. Николай Данилевский в русской культуре и мировой науке // Мир России, т. 1, № 1. М., 1992, с. 163–216.
4. Рахманова М.П. Н.А. Римский-Корсаков. М., 1995, с. 128.
5. Сербиненко В.В. Философская эсхатология Вл. Соловьёва // Мпнувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьёва. Материалы международной конференции. Выпуск 32. С.-Пб., 2003, с. 153–163.
6. В.И. Бельский. Либретто оперы «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии». С.-Пб., 1907.
7. Н.Я. Данилевский. Указ. соч., с. 557.
8. В.И. Бельский. Указ. соч.
9. Птицын А.Н. Концепция славянской цивилизации Н.Я. Данилевского. Ставрополь, 2003, с. 38.
10. Ястребцев В.В. Н.А. Римский-Корсаков. Воспоминания, М., 1973, т. 2, с. 282